

ПОЛЯРИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРИЧИНЫ, НАПРАВЛЕНИЯ И ПОСЛЕДСТВИЯ

© 2022 г. Т. Г. Нефёдова^{а,*}, В. Н. Стрелецкий^{а,**}, А. И. Трейвиш^{а,***}

^аИнститут географии РАН, Москва, Россия

*E-mail: trene12@igras.ru

**E-mail: vstreletski@mail.ru

***E-mail: trene12@yandex.ru

Поступила в редакцию 26.01.2022 г.

После доработки 09.02.2022 г.

Принята к публикации 21.02.2022 г.

Задача статьи – выявление важнейших сдвигов в социально-экономическом пространстве России (с акцентом на его поляризацию в постсоветский период), их причин, главных трендов и последствий. Проанализированы природные и исторические корни, главные факторы и линии поляризации. Представлены обзоры экономико-географического расслоения регионов, поляризации расселения и социального пространства, городов и сельской местности, этнокультурных территориальных сдвигов. Установлено, что современные тенденции в развитии России усиливают крайности по вертикали общества и по пространственной горизонтали. Это и есть поляризация, степень которой зависит от свойств самого общества, пространства страны и политики властей. Она по-разному проявляется по линиям (осям) “север–юг”, “запад–восток”, “центр–периферия” и “русское ядро – ареалы этнических меньшинств”. Резкая пространственная поляризация ограничивает потенциал России и несовместима с унификацией подходов к развитию территорий – представителей разных полюсов.

Ключевые слова: социально-экономическое пространство России, поляризация, концентрация, неравномерность, центр, периферия, регион, город, сельская местность.

DOI: 10.31857/S0869587322060093

Россия, будучи крупнейшей страной мира, отличается внутренней неоднородностью. Она проявляется в ландшафтном разнообразии и контрастах освоения территории, неравномерности развития регионов, глубоких этнокультурных различиях. Пространственная трансформация страны в постсоветский период не сгладила этих контрастов, усилила часть из них и породила новые. Географическая дифференциация социально-экономического пространства России (в том числе в постсоветское время) – важная тема работ отечественных географов. Ей посвящено немало статей и монографий обобщающего характера [1–4]. Особое внимание уделялось староосвоен-

ным ареалам Европейской России, где проживает большинство наших соотечественников [5, 6].

В данной статье делается акцент на поляризации социально-экономического пространства страны. Главная задача – выявление факторов, трендов и последствий этого феномена за три последних десятилетия. Информационную базу анализа составляют массив публикаций по проблемам устройства и трансформации российского пространства, материалы Росстата в региональном разрезе, включая данные переписей населения и результаты многолетних полевых экспедиционных исследований отдела социально-экономической географии Института географии РАН.

Уточним соотношение ряда близких по смыслу, но не идентичных понятий, важных для нашего исследования.

НЕФЁДОВА Татьяна Григорьевна – доктор географических наук, главный научный сотрудник ИГ РАН.
СТРЕЛЕЦКИЙ Владимир Николаевич – доктор географических наук, главный научный сотрудник ИГ РАН.
ТРЕЙВИШ Андрей Ильич – доктор географических наук, главный научный сотрудник ИГ РАН.

Неравномерность распределения социально-экономических явлений вездесуща и влияет на развитие, стимулируя или затрудняя его. Этой ёмкой темы касались Э. Роджерс и Т. Хегерstrand с их схемами инноваций, А. Оукен с идеей обратной связи равенства и эффективности [7–9]. Нам важнее контрасты в пространстве. Экономический рост или спад влияют на них по-разному, то усиливая, то сглаживая исходные различия [10].

Концентрация – сосредоточение явления в некой области пространства, одно из проявлений неравномерности. Если наряду с главными очагами концентрации растут и развиваются, пусть не так быстро, другие (обычно периферийные) участки, то речь идёт именно о процессе концентрации, но не поляризации.

При *поляризации*, присущей отдельным явлениям и пространству в целом, в одних местах налицо рост и развитие, в других – убыль и упадок. В итоге освоенное пространство сжимается и фрагментируется, распадаясь на разнокачественные участки и формируя два полюса. Тем самым поляризация выступает в роли крайнего случая неравномерности. Регионалисты также говорят о близких по смыслу дивергенции, расслоении пространства, но термин “поляризация” используется всё чаще. Недавний обзор методов и трендов её исследований содержит около 100 источников и выделяет 10 тематических направлений [11].

Развитие имеет географическую специфику, роль которой как фактора расслоения общества, вопреки заявлениям об ослаблении этой роли со “смертью расстояний”, возможно, растёт. Так, сербско-американский специалист по доходам и неравенству Б. Миланович [12] утверждает, что если в XIX в. неравенство людей на 50% зависело от их классовой принадлежности, то в XXI в. – на 85% от принадлежности к той или иной стране. Во всяком случае пропасть между “бедняками” среди богатых по средним показателям и бедных по тем же меркам стран в последние столетия углубилась.

Пространственная поляризация тесно связана с экономической и социальной, нарушающей принцип равных возможностей граждан и доходящей до противостояния их групп [13, с. 53]. Примерами могут служить углубление разрыва между городом и деревней, между столицей с её агломерацией (регионом) и другими территориями, между экономическими лидерами и аутсайдерами, между различными в этнокультурном отношении районами. В России представлены все эти варианты.

Природные и исторические предпосылки поляризации социально-экономического пространства современной России. Контрасты нашего пространства тесно связаны с его природными особенностями и со спецификой исторического раз-

вития страны. Одно из её важных свойств составляет *рассредоточенность населения* по сравнению с другими странами-гигантами, обусловленная природными условиями и архетипическими особенностями социума. Об этом ещё в начале прошлого века писал немецкий антропогеограф А. Геттнер [14], считавший обширные равнины Восточной Европы с относительной монотонностью рельефа и ландшафтов типичным “местообитанием” русского народа, сумевшего занять огромное географическое пространство. Это подтверждали и классики русской антропогеографии А.А. Крубер [15] и В.П. Семёнов-Тян-Шанский [16]. По их мнению, отсутствие резких природных рубежей, преград на пути миграций населения и суровые, порой малоприспособленные для постоянного обитания людей условия предопределяли дисперсность расселения, разрежённость и рассредоточенность социума. Отсюда слабые связи между территориальными сообществами разного типа, культурными, социально-экономическими и хозяйственными комплексами.

Говоря о пространственном развитии, у нас быстро переходят к освоению севера и востока страны, видимо, под влиянием давнего “освоенческого синдрома”. Развитие России долго шло экстенсивным путём исследования новых территорий в условиях избытка населения и расширения государства, хотя и неравномерного. За его крупными актами – колонизацией новгородцами Русского Севера к XIII в., южных и восточных (вожских) степей в XVI в., выходом землепроходцев к Тихому океану в XVII в. – могли следовать фазы сжатия, “сброса” части территорий, но потом следовали новые рывки.

Классики понимали эти процессы неоднозначно. Широко известны прогнозы М.В. Ломоносова о прирастании могущества России Сибирью, Д.И. Менделеева – о движении населения в сторону благодатного Юга и обильного землёй Востока, взгляд С.М. Соловьёва и В.О. Ключевского на историю России как историю колонизируемой страны. Были замечены и оборотные стороны. П.П. Семёнов-Тян-Шанский [17], вторя В.О. Ключевскому, писал, что за преждевременное стремление к расширению территории русские земледельцы заплатились свободой, имея в виду их закрепощение в XVI–XVII вв. при запуске ядра страны из-за массового оттока на окраины. Такие разные мыслители, как В.И. Ленин и Н.А. Бердяев, сходились в том, что рост шири на новой земле замедляет развитие вглубь на старой, что русская душа “ушиблена ширью”, не видит границ, и это скорее порабощает её [18, 19]. Сегодня проблемы этого рода косвенно признаются в официальных документах, например, в “Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года”. Но при

чём тут поляризация? У неё, как минимум, две причины.

Во-первых, на территориальные сдвиги внутри страны влияли глобальная конкуренция и амбиции сверхдержав. Гонка за лидерами диктовала две противоречивые стратегии – расширения и мобилизации пространства. Его растяжение ради ресурсов сопровождало сжатие страны в инновационные “кулаки”, решавшее задачи научно-технической конкуренции её главных центров с центрами соперников, что усугубляло отставание периферии.

Во-вторых, пока мобильных материальных и человеческих ресурсов хватало для решения обеих стратегических задач, дело ограничивалось так называемой рассредоточенной (по растущей “ойкумене”) концентрацией. После людских и других потерь первой половины XX в. выкачивание этих ресурсов стало истощать и оголять всё более обширные ареалы, приводя в конце концов к сокращению освоенного пространства. Такое истощение ограничивает плацдарм развития России. Оно всегда в той или мере неравномерно, поскольку равных для него условий повсеместно нет. Эти условия (ограничения) надо иметь в виду для поиска рецептов, не общих для всей страны, а подходящих для конкретных регионов, городов, сельских местностей или их типов [4, с. 215].

Поляризация пространства связана с размерами страны, контрастами природных ресурсов, условий жизни людей и развития экономики, разнообразием человеческого капитала по количеству и качеству, различиями в уровне урбанизации и влияния крупных городов на окружающие территории, этнокультурными различиями. При этом важной задачей остаётся обеспечение целостности страны и благополучия её граждан, социальной и политической стабильности.

Ключевые линии поляризации пространства России после распада СССР. Свыше 3/4 территории страны расположено в Азии, но почти 3/4 населения живёт в её европейской части. Территориально Россия – крупнейшее государство, а по удобству обживания и аграрного освоения – четвертое в мировом рейтинге [4, с. 26]. Фактически заселённых земель здесь больше, чем комфортных, так как в советские годы их освоение поддерживали административными и финансовыми мерами. Частичный отказ от них вызвал откат назад. Слабоосвоенные территории составляют около половины площади современной России [20, с. 188–192]. Ещё 22% – зона выборочного очагового и линейного лесо- и горнопромышленного освоения.

За 1989–2021 гг. численность населения России сократилась на 1.1–1.2 млн человек, то есть менее чем на 1% (как с присоединением Крыма в 2014 г., так и без учёта его населения). В то же вре-

мя демографически потери зауральских регионов превысили 3 млн чел. (11%), а северных – близки к 1.5 млн (17%). Состав этих групп частично совпадает. Главным исключением в обоих случаях стали нефтегазодобывающие округа Сибири. Таким образом, поляризация пространства шла по осям “север–юг” в пользу юга и “запад–восток” в пользу запада.

Иные корни у поляризации по оси “центр–периферия”. Центро-периферийная модель широко используется в мировой науке, что неудивительно, ибо контрасты по данной линии заметны в любом обществе. Но в нашей стране это не просто одно из их измерений, а ключевая ось поляризации пространства, связанной с исторически унаследованной *гиперцентрализацией*, характерной и для общества, и для российского пространства. В отличие от ряда других стран, его вертикально-иерархическое, “статусное” расслоение выражено резче горизонтального, межрегионального. Крупные города и глубинка (внутренняя периферия) в России – это по многим признакам разные миры, что близко к схеме “четырёх Россий” Н.В. Зубаревич: главные центры, промышленные (в том числе монопрофильные) города, сельская периферия с малыми городскими поселениями, наиболее своеобразные республики в составе России [21].

Вертикальные “статусные” контрасты, не только экономические, демографические или экистические (поселенческие), носят и *социокультурный характер* [22]. Поэтому при описании любого места в российском пространстве важна даже не столько его принадлежность к тому или иному району, сколько собственный статус и близость к крупному центру.

Главная особенность более освоенной трети территории России – резкие контрасты между крупными городами с их агломерациями и окраинами регионов. Пригороды и переходные зоны от них к окраинам занимают около 15% территории, концентрируя половину сельского населения. Это результат поляризации пространства именно по оси “центр–периферия”. Так, население столичных регионов, возглавляемых Москвой и Санкт-Петербургом, с 1989 г. выросло на 5.3 млн человек, или на 24%. А регионы Центра вокруг Московской области потеряли 2.8 млн человек.

Ещё одна важная ось различий проходит между “русскими” регионами и теми, где больше представителей других этносов. В пространстве России особое место занимает *русское этническое мегадро* [23], которое превосходит так называемые иноэтнические территории по площади и населению. Их этнокультурную неоднородность вообще-то не вполне отражает нарратив поляризации. Различия между этническими территориями не сводятся к их сравнению по уровню развития,

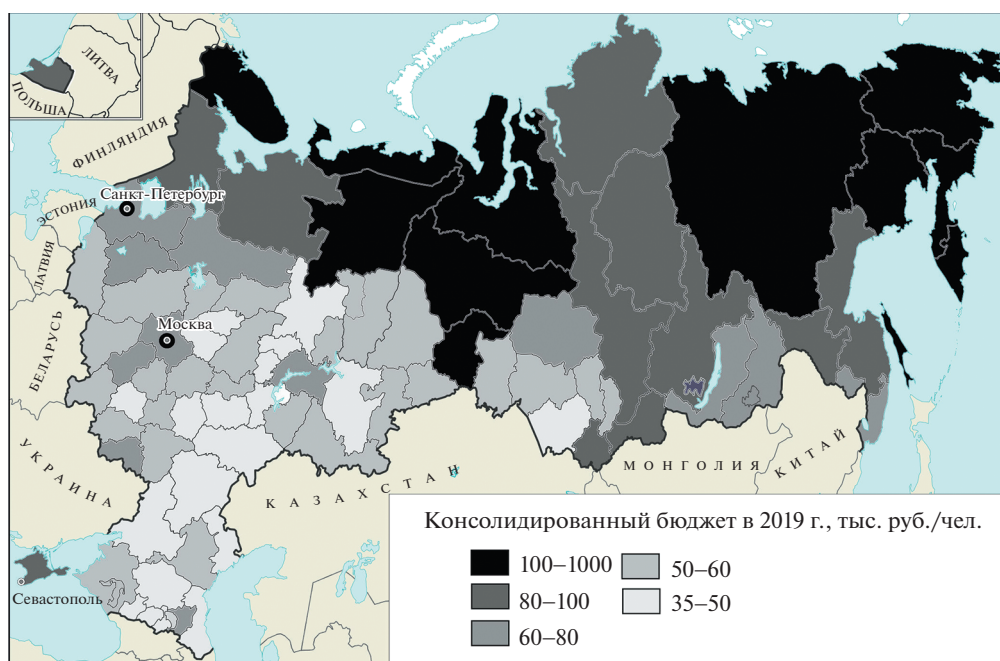

Рис. 1. Доходы консолидированных бюджетов субъектов РФ на душу населения в 2019 г.

Источник: Выборка из форм отчётности на 01.01.2020 г.; Бюджеты субъектов РФ в цифрах // Бюджет.ру. 10 января 2020. <https://bujet.ru/article/396309.php>

выделению передовых, успешных, отсталых или бедных — этнические культуры просто разные. Однако русское мегаядро и иноэтнические общества — непохожие миры, полярные в качественном смысле. Этнокультурная поляризация российского пространства рассматривается ниже.

Экономико-географическая поляризация регионов, городов и сельской местности в постсоветский период. Экономическое и социальное пространство тесно взаимосвязаны, и разделить их сложно. Оба подвержены поляризации с изменением структуры экономики и занятости населения, его доходов и т.д. По валовому продукту на душу населения в сырьевой стране, какой стала Россия из-за кризиса обрабатывающей промышленности в 1990-е годы, выделяются добывающие районы. Это прежде всего северные нефтегазовые округа, Сахалин, Чукотка и Магаданская область с их ценными металлами при минимуме населения, а также Москва. Похожая ситуация сложилась с доходами консолидированных бюджетов регионов (рис. 1). Это не останавливает отток населения с востока и севера.

Уровень заработной платы в целом соответствует экономическому потенциалу регионов. Доказательство тому — сырьевые регионы, а также Москва, Московская область и Санкт-Петербург (рис. 2). Если для северных регионов повышенные зарплаты отчасти оправданы ценами и транспортными издержками, то в поясе регионов с наиболее бедными жителями, окаймляющем

центральный район, эту их специфику трудно объяснить. Понижен уровень официальных зарплат и в республиках Северного Кавказа, правда, там значительную роль играет неформальная экономика. Эти контрасты отражают поляризацию пространства не только по уровню, но и по качеству жизни: доступу к образованию, медицине и деловым услугам. Их пространственная ограниченность затрудняет экономический рост и структурные преобразования в стране.

Усиление роли третичного сектора (услуги), особенно в составе занятого населения, за счёт вторичного индустриального — глобальное явление, но в полной мере оно коснулось не всех территорий России. На периферии многих её регионов, в малых городах и сельской местности спад производства вызвал кризисный квазирост доли бюджетной сферы, а при её “оптимизации” — рост безработицы.

Сдвиги в сельском хозяйстве с 1990-х годов тоже по-разному сказались на регионах, вызвав в одних глубокий кризис, а в других — подъём агробизнеса. С отказом от типичных для советской эпохи крупных дотаций сельскому хозяйству и политики самообеспечения регионов производство аграрной продукции, особенно зерна (рис. 3), сместилось в зоны с лучшими природными условиями в силу выгод концентрации производства там, где оно наиболее прибыльно. То же самое происходило во второй половине XX в. на Западе. Так, в США за это время постепенно вышли из

Рис. 2. Отношение зарплаты в регионах к зарплате в среднем по России в 2019 г., %
 Источник: данные Росстата.

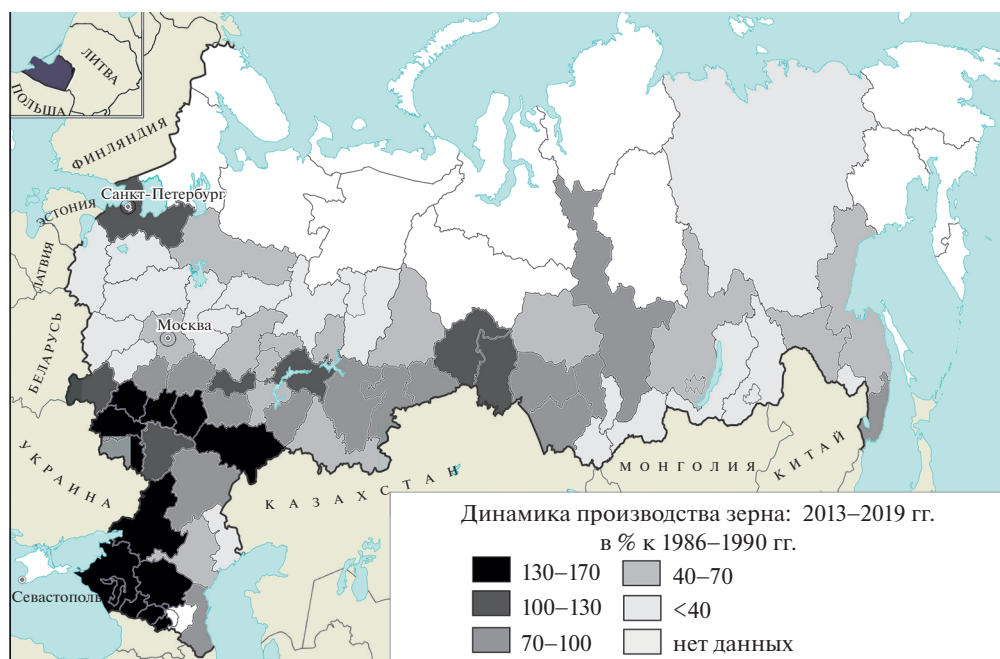

Рис. 3. Динамика производства зерна в среднем за 2013–2017 гг. по отношению к 1986–1990 гг., %
 Источник: данные Росстата.

оборота 350 тыс. км² сельскохозяйственных земель [24], немногим меньше, чем в постсоветской России, вставшей на этот путь позже и с большими потерями для хозяйства лесной зоны.

Концентрация аграрного производства и рынка сопровождала индустриализацию отрасли [25]. До 50% продукции её организаций дают агропромышленные холдинги-гиганты, в торговле продук-

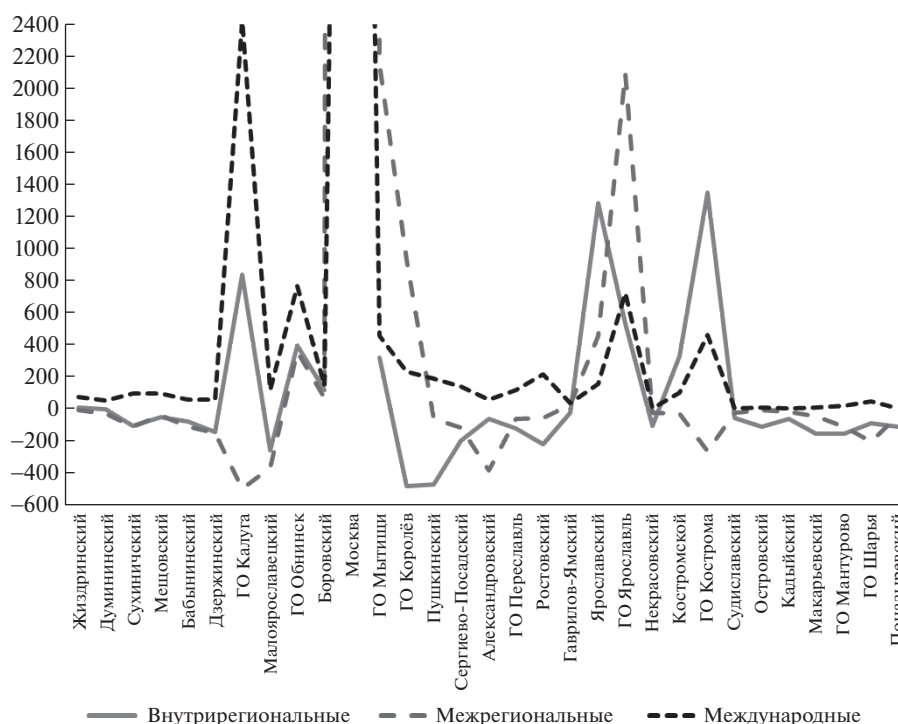

Рис. 4. Миграционный прирост (убыль) населения в разрезе муниципалитетов в среднем за 2012–2017 гг., человек
Профиль по линии юг Калужской области – Калуга – Москва – Ярославль – Кострома – восток Костромской области
Источник: данные Росстата.

тами питания доминируют крупные сети. В ряде регионов один-два холдинга обеспечивают 80–90% мясной продукции, 15 регионов-лидеров производят 55% мяса в стране, почти пятую часть поголовья свиней концентрирует Белгородская область – “мясная столица России”. При этом у нас, в отличие от стран Запада, малые фермы реже встроены в работу крупных агропроизводств [26]. Кризис агросектора ударил по многим поселениям лесной зоны, усилив сокращение занятости, отток жителей в города и в целом депопуляцию сельской местности.

Поляризация расселения и социального пространства. Население страны тянется к крупным городам. После недолгой кризисной паузы 1990-х годов урбанизационный тренд восстановился, дополняя отток населения с севера, северо-востока на юго-запад, в “солнечный пояс” России.

Поляризация пространства особенно заметна в центре страны. Отклик населения на социально-экономические контрасты пространства в пользу Москвы отражают миграции (рис. 4). В 2012–2017 гг. они ежегодно добавляли столице в среднем 95 тыс. жителей. Немного меньшей (65 тыс. в год) была миграционная прибавка в Санкт-Петербурге. Москве с пригородами отдают население даже региональные центры (Калуга, Тула, Тверь и др.), взамен собирая выходцев из стран

СНГ и с периферии своих регионов. Исключение составляет лишь Ярославль, играющий роль межрегионального центра к северо-востоку от Москвы [27]. Население прочих городских округов пополняют международные мигранты.

Роль городов в организации пространства России очень велика, хотя ни по числу, ни по размещению (крайне неравномерному) их не хватает даже на обжитой территории страны. В 2020 г. в 85% городов было менее 100 тыс. постоянных жителей. Городов более значительного размера всего 170, но они концентрируют 74% всех горожан (10 лет назад – только 68%). Убывает число средних городов с 50–100 тыс. жителей. Их намного меньше, чем больших, впятеро меньше, чем малых, а в каждом третьем регионе нет вообще.

Почти 800 малых городов пока поддерживают освоенность территории. Больше всего их в Центре России, местами они составляют 90% общего числа городов (рис. 5). Исключением является Московская область с плотностью городов, близкой к таковой в зарубежной Европе (16 на 10 тыс. км²), где около 30% – большие города. Город-центр часто определяет качество среды в районе, плотность его населения, характер развития, инфраструктурное обустройство. При этом возрастает роль центров регионов, особенно после паузы 1990-х годов. За последние 30 лет прибави-

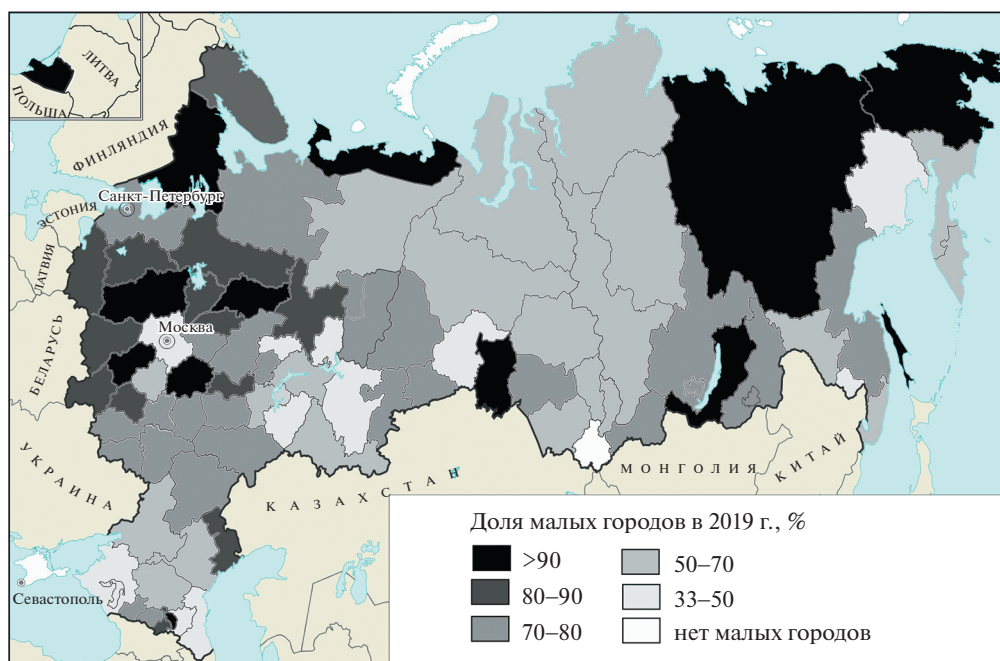

Рис. 5. Доля малых городов (с населением до 50 тыс. человек) в общем числе городов по регионам России на 1 января 2019 г., %

Рассчитано по данным Росстата.

лось регионов, где центр является абсолютным лидером, превышая второй по размерам город в 6 и более раз, что также говорит о поляризации городского развития [28].

Состояние городов, их привлекательность для населения и бизнеса зависят от размера и статуса. Основные аттракторы – города с числом жителей более 250 тыс. человек, особенно полумиллионные и более крупные (таких только 37). Они поглощают 55% всего городского миграционного прироста, причем 1/3 – Москва и Санкт-Петербург. Временные возвратные миграции (трудо-вые, учебные) тоже нацелены на крупные центры. Именно они формируют городские агломерации, основные ареалы концентрации экономического, демографического, научно-образовательного потенциала страны. Но этот процесс имеет теневую сторону, опустошая территории за пределами агломераций. А муниципальные реформы в виде укрупнения поселений, школ, больниц в глубинных зонах лишь усилили отток населения в крупные центры [6, с. 68–78].

По сути, в России с 2000-х годов начался новый виток урбанизации [29] в связи не только с постсоветской институциональной и экономической централизацией [30], но и с устройством самого российского пространства. На фоне его социальной разреженности крупные города и их густки выделяются очень резко. Их дополняет массовая культура дач, не требующая для совмещения достоинств городского и сельского образа

жизни выезда из города на постоянное жительство.

В сельской местности, на 9/10 российской “ойкумены”, поляризация выражена ещё ярче. Переселение оттуда в города шло в течение почти всего XX в. Многие области потеряли до 66% сельского населения, а их периферийные части – до 90%. Самые большие потери в постсоветские годы понесли северные и восточные регионы. Продолжали терять сельских жителей и староосвоенные регионы Центра, а на Юге, особенно в республиках, сельское население росло. Поляризация сельской местности Нечерноземья выражается в сокращении малых и средних пунктов и стягивании жителей в крупные. Пример такой динамики приведён на рисунке 6 [31].

Мелкоселённость повышает затраты на строительство дорог, услуги транспорта и связи, образование, здравоохранение. Этим объясняется кампания по объединению муниципалитетов ради бюджетной экономии, негативно влияющая на сохранение освоенности территорий. Пониженная плотность сельского населения и его отрицательная динамика характерны для самых обжитых в прошлом земель нечернозёмной России, особенно на периферии регионов (рис. 7). Исключение – ареалы компактного проживания этносов, у которых сельские сообщества разрушены меньше, чем в ареалах расселения русских.

Различия в динамике населения, его расселении и возрастной структуре при отъезде молодё-

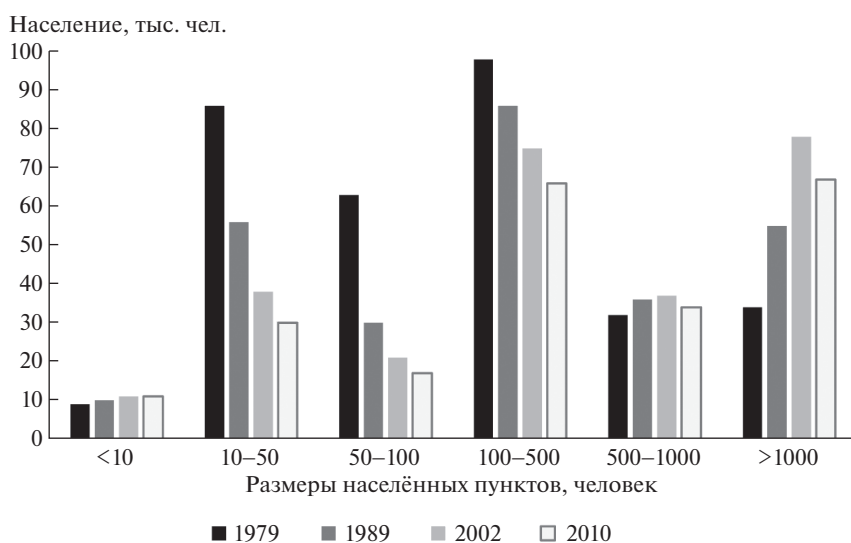

Рис. 6. Изменение численности населения, проживающего в сельских населённых пунктах Ярославской области разного размера, с 1979 по 2010 г., тыс. человек
Рассчитано по данным Росстата.

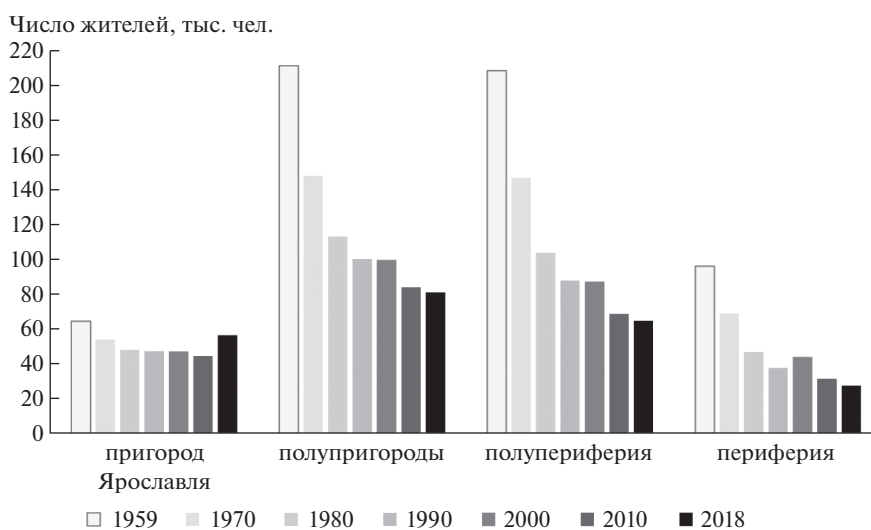

Рис. 7. Численность сельского населения в Ярославской области с 1959 по 2018 г. по муниципалитетам разных зон удалённости от центра, тыс. человек
Рассчитано по данным Росстата.

жи из районов депопуляции [32] не могут не сказываться на их человеческом капитале и уровне жизни. Хотя население во многих районах убывает, их экономическая депрессия повышает даже официальный уровень безработицы, хотя фактический ещё выше, особенно на селе. При низких доходах сельская местность отстает по объёму потребления. Разрыв между городом и деревней в этом отношении растёт.

Поляризацию отчасти сглаживает типичное для России передвижение населения между центрами и периферией в виде маятниковой миграции, отходничества и дачной рекреации, создающих особые формы расселения и социальных связей [33, 34]. При всей устойчивости центр-периферийной структуры социального пространства, эти движения делают его пульсирующим по часам суток, дням недели и сезонам года. Население обширных ареалов, потерявших значитель-

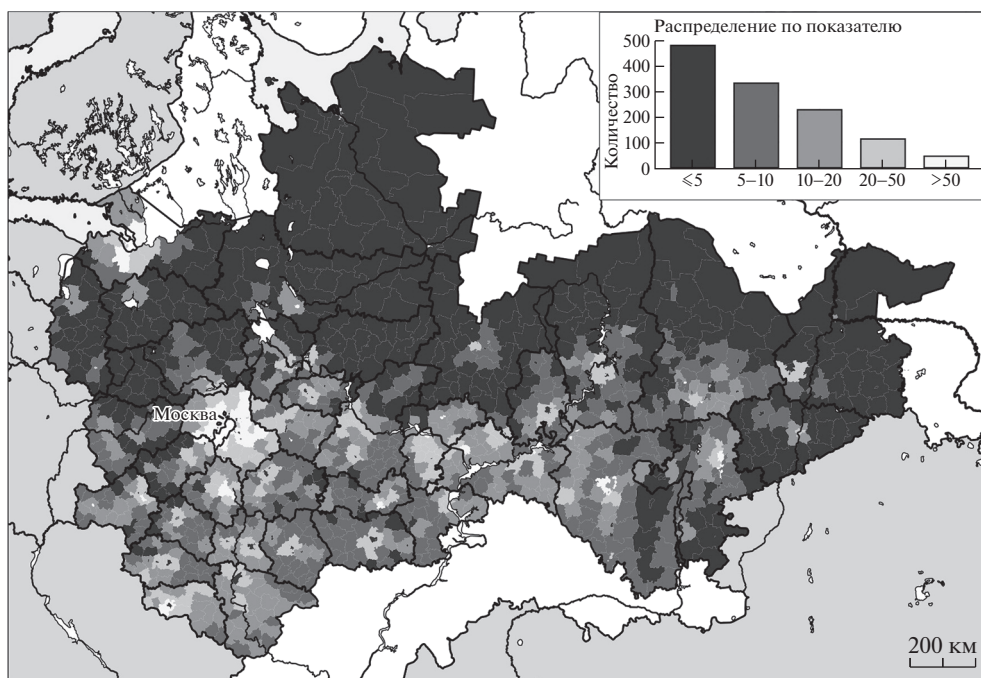

Рис. 8. Плотность населения за пределами административного центра региона, чел./км² (2021 г.) [6, с. 335]
Составлено по данным Росстата.

ную часть постоянных жителей, летом пополняют горожане-дачники, число которых не поддается полному учёту¹. В Псковской, Новгородской, Тверской областях дачные зоны москвичей и петербуржцев сомкнулись [35, с. 188–205]. Дачные места формируют своё социальное пространство с сезонным населением и экономикой, которая поддерживает часть трудоспособных местных жителей. Дачное население пригородов и дальних экологически привлекательных и транспортно доступных зон часто превышает условно постоянное местное [33, с. 364]. Но их обустройство рассчитано на местных или (иногда) на организованных курортников и туристов.

Анализ организации пространства России с учётом его освоенности, сети городов и сёл указывает на усиление поляризации в разных географических масштабах. На уровне страны ясно видна её внешняя периферия за рамками главной полосы расселения (до 70% всей территории). Для неё типичны удалённость, суровые природные условия, редкое заселение, слабая связь с «материком». Связанность пространства у нас вообще невысока, как физическая (дорожная сеть), так и экономическая (по транспортным тарифам и до-

ходам), что побуждает к отъезду населения с окраин.

Внутренняя периферия (глубинка) на староосвоенной территории занимает около 15% площади страны, часто в 1–3-часовой доступности от больших городов у границ между субъектами РФ. Но эти земли всё больше выпадают из использования, особенно в Нечерноземье. Масштабы внутренней периферии хорошо видны по плотности населения в треугольнике Санкт-Петербург–Белгород–Тюмень (рис. 8). Наиболее обширные периферийные зоны к северу от Московской области [6, с. 323–347].

Современные этнокультурные сдвиги в пространстве России. Россия – страна полиэтничная и поликонфессиональная. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г.², в ней жили представители 160 этнических общностей, и их число неуклонно росло. По России в современных границах оно существенно выше, чем в переписях XX в. по всему бывшему СССР (кроме переписи 1926 г.). Этнокультурное многоцветье страны определяет и специфику общероссийской гражданской идентичности, и вызовы последней, на которые в ходе национально-государственного строительства приходится искать адекватные ответы.

¹ Учёт владельцев сельских домов с местом постоянной регистрации в городах местные администрации вели до муниципальной реформы 2000-х годов. В последние годы численность временного населения не интересует ни местные, ни федеральные власти.

² Сведения о национальном составе населения дают его переписи, однако итоги последней (осень 2021 г.) к моменту написания статьи не публиковались.

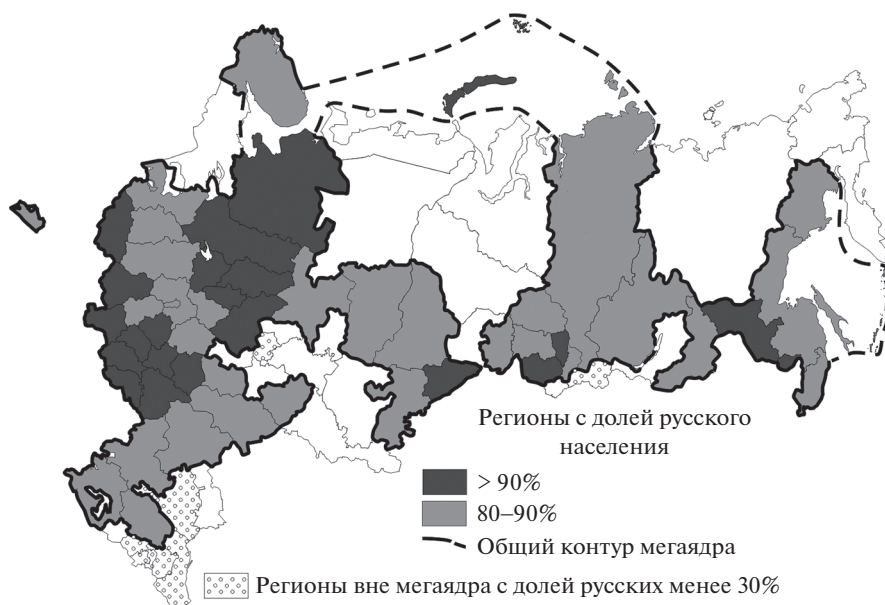

Рис. 9. Русское этническое мегаядро в 2010 г., по данным переписи населения

Постсоветские миграции усилили этнокультурный плюрализм России. Наряду с переселением этнических русских (они преобладали среди иммигрантов в 1990-е годы) отмечен приток в страну народов – носителей других культур, особенно из стран Центральной Азии и Южного Кавказа. При этом полиэтнизм сочетался с наличием крупнейшего этноса, но за последние полвека его преобладание стало менее выраженным. Доля русских в населении РСФСР–РФ сократилась с 83.3% в 1959 г. до 81.5% в 1989 г. и 77.7% в 2010 г.

Контур *русского мегаядра* страны не всегда соответствуют административным рубежам территориального массива “русских” областей и краёв, хотя республики в составе России в мегаядро обычно не входят. Статус субъекта РФ – не единственный критерий его принадлежности к мегаядру: к нему отнесены те регионы, где доля русских превышает 80% [22]. В “русских” регионах она зачастую ещё выше, а почти в двух десятках областей превышает 90% (рис. 9). За период между Всесоюзной переписью населения 1989 г. и Всероссийской переписью 2010 г. контуры русского мегаядра почти не изменились. Однако число регионов с долей русского населения более 90% уменьшилось в центре и на северо-западе Европейской России из-за массового притока иммигрантов в Московскую и Петербургскую агломерацию и в ближайшие к ним регионы.

Тем не менее сдвиги в этническом расселении за постсоветский период довольно значительны. Важнейшей тенденцией конца XX – начала XXI в. стала концентрация основных нерусских народов в своих национально-государственных образова-

ниях (рис. 10), то есть стягивание “титულных” народов республик в составе Российской Федерации к этим этническим территориям. Данный процесс усилил этнокультурную поляризацию (асимметрию) российского пространства. Важно и то, что многие этнорегионы расположены компактно, образуя обширные сгустки или кластеры. Таковы Горский Северный Кавказ, Урало-Поволжская мультикультурная область, Южно-Сибирский тюрко-монгольский пояс. У местных этносов своя историческая память, культурные традиции, социальные институты, религиозная специфика, их образ жизни во многом отличается от образа жизни русского населения.

Важен и этнодемографический аспект. У разных этносов в разных регионах страны демографическая динамика неодинакова. В республиках Северного Кавказа и соседней Калмыкии в постсоветский период шёл процесс коренизации населения: удельный вес титульных этносов рос, а доля русских снижалась в ходе как естественных прироста/убыли, так и миграционного оттока. С 1989 по 2010 г. доля русских в Карачаево-Черкесии упала с 42 до 31%, в Калмыкии – с 38 до 30%, в Кабардино-Балкарии – с 32 до 22%, в Северной Осетии – с 30 до 21%. На востоке Северо-Кавказского округа показатели ещё ниже: в Дагестане к 2010 г. она упала до 3.6%, в Чечне – до 1.9%, в Ингушетии – до 0.8% (абсолютный минимум среди субъектов РФ). Те же тенденции, но несколько слабее выражены в сибирских республиках, Татарстане, Башкортостане. Демографическая динамика угро-финских народов была иной: у них рождаемость обычно уступала смертности и удельный вес “своих” в населении республик со-

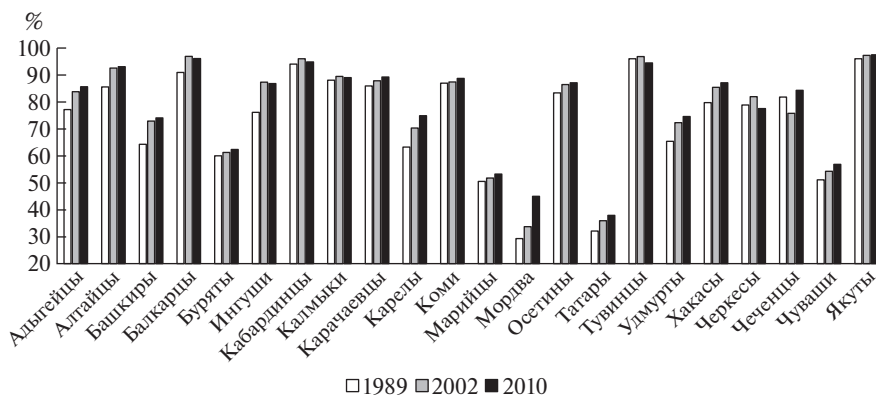

Рис. 10. Концентрация “титულных” народов национальных республик России в “своих” национально-государственных образованиях, % к их населению (кроме народов Дагестана)

Рассчитано и составлено по материалам Всесоюзной переписи населения 1989 г., всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг.

крашался, как в Урало-Приволжье (за исключением Мордовии в 2002–2010 гг.), так и на севере Европейской России (в Карелии, Коми). Демографическое поведение этнических групп – во многом социокультурный феномен, сильно дифференцированный географически.

Возрождение религиозной жизни, затронув все российские конфессии, от мировых религий до языческих культов народов Сибири, Урало-Поволжья, также стало фактором культурной поляризации пространства России. И мусульманский “ренессанс”, и быстрый подъём буддизма при сравнительной широте их географии затронули в первую очередь те регионы, для народов которых ислам и буддизм традиционны. Если взаимодействие христианства и ислама (двух авраамических религий, восходящих к единому корню и имеющих сходные черты) происходило в России на протяжении веков и было значимо для многих территорий, то с буддизмом всё иначе. Буддистские регионы всегда занимали и отчасти сохранили сравнительно обособленное положение в российском пространстве. Это очень характерно для Тувы, сохранившей (при её исторически небольшом сроке пребывания в составе России) яркую социокультурную специфику. Бурятия и Калмыкия испытали большее российское культурное влияние. При этом регионы ислама (особенно северокавказские) и буддизма, будучи неотъемлемыми частями России как государства, в культурно-географическом отношении выступают частями обширных контактных зон, соединяющих нашу страну с сопредельными, относящимися к иным цивилизационным пространствам.

Современные тенденции в развитии России ведут к ослаблению всякого рода средних позиций, усиливая крайности как по вертикали – в иерархии общества, так и по горизонтали – в пространстве страны. Это и есть его поляризация, наиболее характерная для экономического и социального пространства по осям “север–юг”, “запад–восток” и “большой город – пригород – периферия”, а в известном смысле и для этнокультурного слоя этого пространства. Степень поляризации во многом зависит от политики властей всех уровней. На окраинах регионов наблюдается потеря социального контроля освоенных земель: уход с них многих видов деятельности, истощение человеческого потенциала, разрушение инфраструктуры. А ведь это ещё и транзитные территории. Их опустошение осложняет связи между разрозненными центрами, делая небезопасным сам транзит. Пуск скоростных поездов, создание новых магистралей улучшают связи между центрами, но часто отрывают от них периферию, нанося урон местным сообщениям.

Источником экономической жизнеспособности периферии остаются региональные и муниципальные бюджеты. Но их скудость и зависимость от вышестоящих, слабая организационная и финансовая поддержка местных инициатив тормозят развитие глубинки, а с ней – регионов и страны в целом. Немногие очаги развития в периферийных районах страны, затухая, выталкивают остатки активного населения в крупные центры. В итоге, по сути, теряются огромные пространства сердцевинной России с их историко-культурным наследием. Центры в свою очередь страдают от экономической, демографической и экологической перегрузки.

Вряд ли в ближайшие годы можно ожидать возвращения постоянного населения в депрессивную глубинку. Поддержание там очагов жизнедеятельности требует внешних импульсов: инвестиций столичного и другого капитала в локальные точки экономической активности, поддержки, в том числе финансовой, местных инициатив, притока дачников и мигрантов. К сожалению, невнимание к местной инфраструктуре и разрушение сложившейся низовой сети расселения при формировании городских и муниципальных округов этому не способствуют.

Резкая пространственная поляризация несовместима с унификацией подходов к развитию территорий и мест – представителей разных полюсов. Разработанные в Москве планы, программы и стратегии не могут учесть всё многообразие природных, социально-экономических условий, определить задачи развития конкретных районов и поселений. Проблемы и реальные пути их решения виднее на месте, чем в столичных кабинетах.

Инерционность расселения и сложившихся структур социального пространства позволяет с достаточной степенью вероятности экстраполировать тенденции на обозримую перспективу. Без радикальных мер по поддержанию сети населённых мест, усилению связанности зачастую “рвущихся” участков пространства (в том числе с помощью таких непривычных инструментов и контингентов, как, например, мощные стихийные волны дачной “реконкисты” пустеющих глубинных территорий) не удастся остановить негативные тенденции поляризации социально-экономического пространства России.

ИСТОЧНИК ФИНАНСИРОВАНИЯ

Работа выполнена в Институте географии РАН по теме Государственного задания ИГ РАН АААА-А19-119022190170-1 (FMGE-2019-0008).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Трейвиш А.И.* Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф, 2009.
2. Региональное развитие и региональная политика России в переходный период / Под общ. ред. С.С. Артоболевского, О.Б. Глезер. М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2011.
3. Проблемы регионального развития России // Вопросы географии. Сб. 141 / Отв. ред. В.М. Котляков, В.Н. Стрелецкий, О.Б. Глезер, С.Г. Сафронов. М.: Кодекс, 2016.
4. Вызовы и политика пространственного развития России в XXI веке / Под ред. В.М. Котлякова, О.Б. Глезер. М.: КМК, 2020.
5. Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен / Под ред. Т. Нефёдовой, П. Поляна, А. Трейвиша. М.: ОГИ, 2001.
6. Староосвоенные районы в пространстве России: история и современность / Сост. и науч. ред. Т.Г. Нефёдова, ред. А.В. Старикова. М.: КМК, 2021.
7. *Rogers E.M.* Diffusion of Innovations. N.Y.: Macmillan, 1962.
8. *Hägerstrand T.* What about People in Regional Science // Papers of the Regional Science Association. 1970. V. 24. № 1. P. 6–21.
9. *Okun A.M.* Equality and Efficiency: The Big Tradeoff. Washington, D.C.: Brookings Institution, 1975.
10. *Massey D.* Spatial Division of Labour: Social Structures and the Geography of Production. London: Macmillan, 1984.
11. *Анохин А.А., Кузин В.Ю.* Трансформация современной методологии и трендов исследования поляризации // Известия РГО. 2021. № 5. С. 3–20.
12. *Миланович Б.* Глобальное неравенство: от классовой принадлежности к стране проживания, от пролетариев к мигрантам // Экономическая политика. 2016. № 1. С. 14–26.
13. *Шкаратан О.И.* Социология неравенства. Теория и реальность. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
14. *Геттнер А.* Европейская Россия: Антропогеографический этюд / Пер. с нем. Л.Д. Сеницкого. М.: Изд-во журнала “Землеведение”, 1907.
15. *Крубер А.А.* Опыты разделения Европейской России на районы // Землеведение. 1899. Кн. 3/4. С. 175–184.
16. *Семёнов-Тян-Шанский В.П.* Город и деревня в Европейской России: очерк по экономической географии // Записки ИРГО по отд. статистики. Т. 10. Вып. 2. СПб.: Типография Киришбаума, 1910.
17. *Семёнов-Тян-Шанский П.П.* Значение России в колониационном движении европейских народов // Известия ИРГО. 1892. Т. 28. С. 349–369.
18. *Ленин В.И.* (под псевд. Ильин В.). Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности. СПб.: Изд-во М.И. Водовозовой, 1899.
19. *Бердяев Н.* Судьба России: опыты по психологии войны и национальности. М.: Изд-во Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1918.
20. *Нефёдова Т.Г.* Десять актуальных вопросов о сельской России. Ответы географа. М.: URSS, 2013.
21. *Зубаревич Н.* Четыре России // Ведомости. 2011. 30 декабря. https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2011/12/30/chetyre_rossii
22. *Стрелецкий В.Н.* Этнокультурные проблемы развития и пространственной трансформации российской Системы // Российская социально-экономическая Система: реалии и векторы развития. Монография / Отв. ред. Р.С. Гринберг, П.В. Савченко. М.: Инфра-М, 2020. С. 84–134.
23. *Стрелецкий В.Н.* Этнические общности в геокультурном пространстве России (историческая дина-

- мика и региональная структура) // Вестник исторической географии. 1999. № 1. С. 31–53.
24. *Люри Д.И., Горячкин С.В., Каравеева Н.А. и др.* Динамика сельскохозяйственных земель в XX веке и постагрогенное восстановление растительности и почв. М.: ГЕОС, 2010.
25. *Шагайда Н.И., Узун В.Я.* Драйверы роста и структурных сдвигов в сельском хозяйстве России // Научные доклады РАНХиГС. 2019. № 4 (19).
26. *Наумов А.С.* Региональное развитие сельского хозяйства в европейских странах и в России в условиях глобальной продовольственной взаимозависимости и дефицита земельных ресурсов // Вестник РУДН. Серия “Экономика”. 2014. № 3. С. 63–74.
27. *Нефёдова Т.Г.* Контрасты социально-экономического пространства в центре России и их эволюция: два “разреза”-профиля // Региональные исследования. 2020. № 2 (68). С. 18–38.
28. *Трейвиш А.И., Нефёдова Т.Г.* Столичность, центральность, размеры и соперничество городов в мире и в России // Геоурбанистика и градостроительство: теоретические и прикладные аспекты / Отв. ред. А.Г. Махрова. М.: Геогр. ф-т МГУ, 2021. С. 49–72.
29. *Нефёдова Т.Г., Трейвиш А.И.* Перестройка расселения в современной России: урбанизация или дезурбанизация? // Региональные исследования. 2017. № 2 (56). С. 12–23.
30. *Зубаревич Н.В.* Рента столичного статуса // Pro et Contra. Москва как физическое и социальное пространство. № 6 (57). 2012. С. 6–19.
31. *Аверкиева К.В., Нефёдова Т.Г., Кондакова Т.Ю.* Поляризация социально-экономического пространства в регионах староосвоенного Центра России: пример Ярославской области // Мир России. 2021. № 1. С. 49–66.
32. *Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В.* Роль миграции в усилении контрастов расселения на муниципальном уровне в России // Известия РАН. Серия географическая. 2016. № 5. С. 46–59.
33. Между домом и... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / Под ред. Т.Г. Нефёдовой, К.В. Аверкиевой, А.Г. Махровой. М.: Новый хронограф, 2016.
34. *Плюснин Ю.М., Заусаева Я.Д., Жидкевич Н.Н., Позаненко А.А.* Отходники. М.: Новый хронограф, 2013.
35. Путешествие из Петербурга в Москву: 222 года спустя. Кн. 1. Два столетия российской истории между Москвой и Санкт-Петербургом / Сост. и науч. ред. Т.Г. Нефёдова, А.И. Трейвиш. 2015. М.: Леланд, 2015.